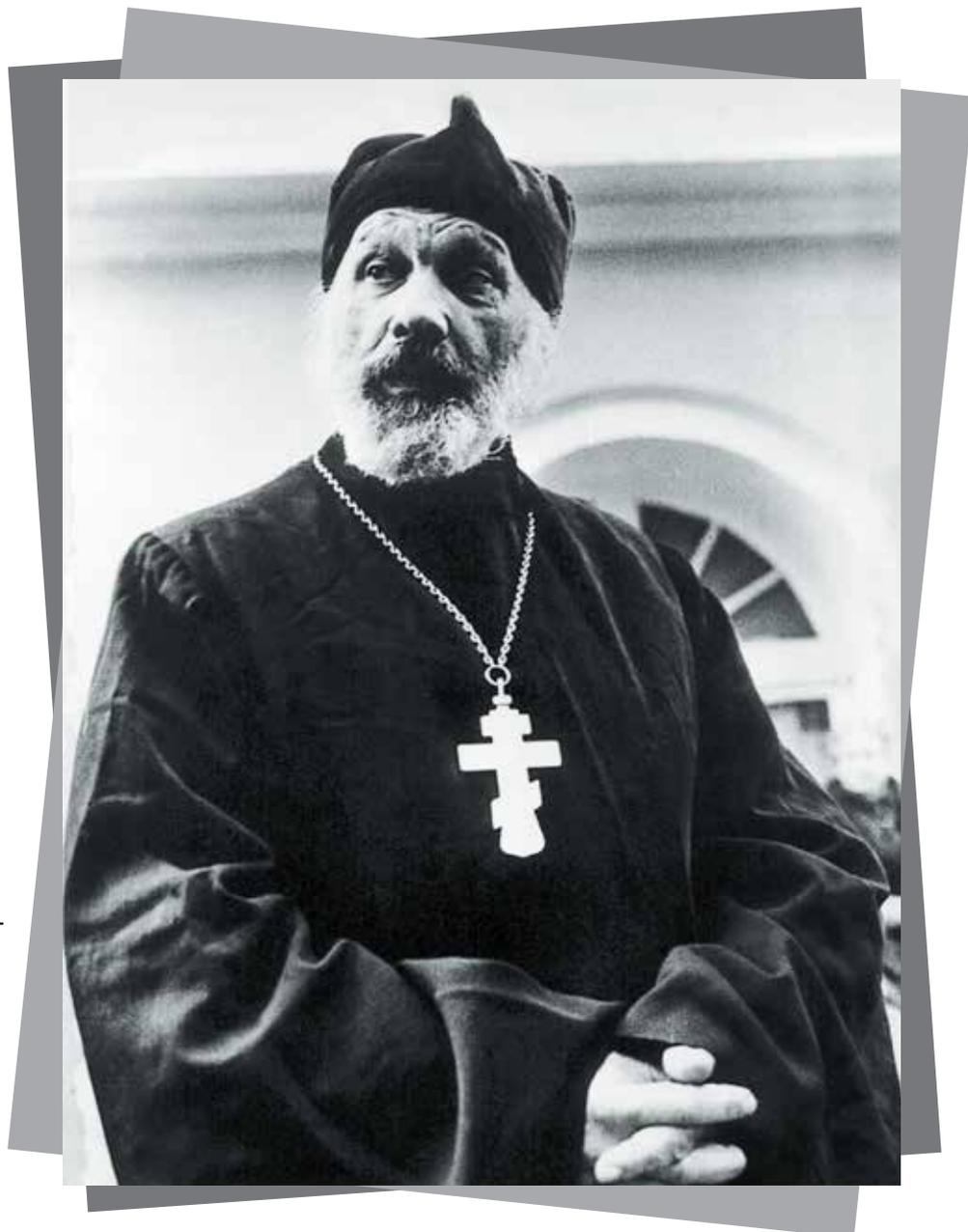

Воин, ученый, пастырь

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СВЯЩЕННИКА ГЛЕБА
КАЛЕДЫ

По его инициативе были созданы Рождественские чтения, он систематизировал работу с осужденными в тюрьмах, стал автором церковно-публицистических статей и книг, актуальных и в наши дни. Ревностный пастырь, активный участник создания системы религиозного образования, неутомимый катехизатор, хранитель живой памяти о новомучениках — таким был отец Глеб Каледа.

Тайный священник

В этом году исполняется сто лет со дня рождения одного из выдающихся пастырей нашего времени протоиерея Глеба Каледы. Читая его автобиографические книги и воспоминания о нем, не перестаешь удивляться, сколько веры, энергии и любви было в этом человеке. Господь призвал его на служение к Себе с юных лет, когда по благословению духовного отца, будущего священномученика Владимира Амбарцумова¹, Каледы всей семьей помогали тем, кто был лишен средств к существованию. Не только духовенству, но и мирянам. Ведь их ближайшие родственники тоже были сосланы или посажены в тюрьму по обвинению в антисоветской дея-

тельности, а по сути за религиозные убеждения. Пятнадцатилетнему Глебу поручалось разыскивать тех, кто бедствует, и приносить им продукты. Призванный в армию после окончания школы в августе 1941 года, он прошел всю войну от начала до победного конца и за мужество и героизм не раз награждался медалями и орденами. Волховский фронт, Сталинград, Курская дуга, освобождение Белоруссии, Кенигсберг — такими зарубками остались 1941–1945 годы в памяти начальника радиостанции дивизиона гвардейских минометов («Катюш») Глеба Каледы.

В автобиографической книге «Записки рядового» спокойно, непредвзято, на конкретных примерах автор раскрывает перед читателем ту чудовищную правду войны, свидетелем которой

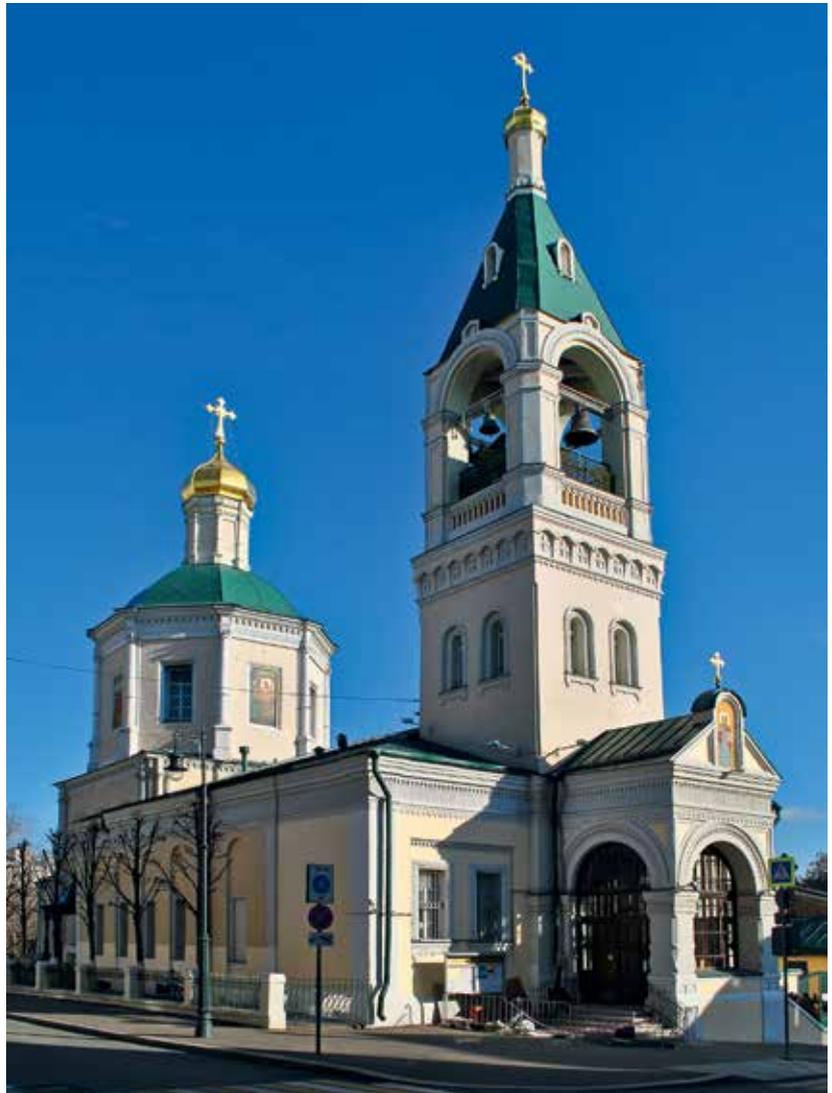
он стал. Причем так, что его рассказ, несмотря на страшные факты, не накрывает тоской и унынием, а, наоборот, вселяет оптимизм. Уникальность этой книги еще и в том, что это — взгляд изнутри. Война глазами православного человека. И конечно, только искренней верой в Бога можно объяснить в минуты смертельной опасности полное спокойствие и бесстрашие рядового Каледы, вызывавшее удивление и уважение у командиров и однополчан.

После войны Глеб Александрович поступил в Московский геологоразведочный институт. Получив диплом с отличием, защитил кандидатскую диссертацию, занимался научной и преподавательской деятельностью, а потом сосредоточился на исследовательской работе в области нефтяной геологии. Он написал 170 научных работ, в том числе несколько монографий. В 1980 году защитил докторскую диссертацию. Коллеги отзывались о нем как о крупном ученом-естествоиспытателе с широким кругозором и обширным спектром научных интересов. В частности, В. Н. Холодов, академик Российской академии естественных наук, отмечал, что Глеб Каледа «был неутомимым искателем истины, человеком, по-настоящему увлеченным наукой».

Однако мало кто из коллег в советское время знал, что Глеб Александрович и его семья — прихожане московского храма Илии Пророка в Обыденском переулке, в который отец семейства начал ходить, вернувшись с фронта. И что в экспедициях он в праздничные дни совершает тайные богослужения мирянским чином по тетрадошчам, написанным его супругой Лидией, дочерью священномученика Владимира Амбарцумова, специально для него.

В роду Калед два человека принадлежали к духовному сословию — священник Черниговского полка Федор Полторацкий и Николай Иванович Сульменев, принявший монашеский постриг после службы на флоте в звании капитана 1-го ранга. Но один жил в XVIII веке, а другой скончался в XIX столетии. Глеб Александрович воспринял веру от своей матери, Александры Романовны (в девичестве — Сульменевой), происходившей из старого дворянского рода, и с детства находился под духовным руководством опытных пастырей.

— Первым наставником отца был священномученик Владимир Амбарцумов, — рассказыва-

Храм Илии Пророка в Обыденском переулке

Со службы в Лазареву субботу начался пастырский путь отца Глеба, прослужившего тайным священником 18 лет.

ет настоятель храма Новомучеников и исповедников Российских в Бутове протоиерей Кирилл Каледа. — До войны у него было еще четыре духовника, но известны имена только двух — священников Василия Надеждина и Сергия Успенского, оба прославлены в лике святых. А после войны папа был духовным чадом архимандрита Гурия (Егорова), будущего митрополита (одного из ближайших соратников сщмч. Вениамина Петроградского), который передал его для духовного руководства своему ученику, иеромонаху Иоанну (Вендланду), в будущем митрополиту

*Рядовой Глеб
Каледа, 1942 г.
(слева)*

*Г. А. Каледа
с супругой Лидией
Владимировной
в геологической
экспедиции.
В ожидании
отправки каравана
на р. Кара-Су
(Средняя Азия),
1951 г.
(справа)*

Ярославскому и Ростовскому². Во второй половине 1950-х и в 1960-е годы владыка Иоанн проходил служение за границей, контактов с ним в это время не было, и папа окормлялся у отца Александра Егорова из храма Илии Пророка Обыденного.

В 1972 году в жизни Глеба Александровича произошло судьбоносное событие: митрополит Иоанн рукоположил его в тайные священники. Тайные — потому что, с одной стороны, Совет по делам религий никогда не позволил бы такому известному ученому быть священником, а с другой — Церкви нужны были пастыри на случай, если власть начнет новые гонения. Тайное священство требовало от человека известного бесстрашия, предания себя в руки Божии, так как при первом же доносе его могли уволить с работы, и семья как минимум лишалась средств к существованию.

Со службы в Лазареву субботу начался пастырский путь отца Глеба, прослужившего тайным священником 18 лет.

— Его тайное рукоположение не было для нас, детей, каким-то открытием или неожиданностью, — вспоминает отец Кирилл. — Мы знали о нем от друзей родителей. Но папа никогда не противопоставлял себя открыто служащему

духовенству. Если кто-то называл его «катакомбным священником», имея в виду пастырей с радикальными убеждениями, он всегда говорил, что он священник Московского Патриархата.

Теперь почти каждое воскресенье кабинет отца Глеба в их квартире на «Речном вокзале» на некоторое время становился храмом, где с соответствующими мерами предосторожности (окно в комнате тщательно занавешивалось, на кухне и в соседней комнате включалось радио) совершалась Божественная литургия.

— Для того чтобы у папы всегда были причастники, — вспоминает отец Кирилл, — владыка Иоанн дал нам, детям, исключительное благословение причащаться без исповеди, если за минувшую неделю ничего особенного у нас не произошло. И это был определенный опыт трезвения для каждого из нас.

Вся утварь и облачение были самодельными, потиром служил большой бокал. А на всенощную службу семья ездила в Обыденский переулочок.

— Папа служил всенощную дома крайне редко, например под праздник Всех святых, в земле Российской просиявших, в честь которых был освящен наш домовый храм, — продолжает отец Кирилл. — Возможно, кто-то из соседей догадывался, что мы верующие. Но что папа священ-

ник — этого никто не знал. И бородку он отпустил только в конце 1980-х годов.

Мягкий духовник — яд для пасомых

Постепенно у отца Глеба появились духовные чада, которые тоже приходили на Литургию в домовый храм. Конечно, первыми были друзья семьи из числа верующих, в основном интеллигенция.

— Их было примерно пара-тройка десятков человек, — говорит отец Кирилл. — Он не всем открывался, помня завет дедушки Владимира: не надо давать людям лишнюю информацию, так как человеку в ответ гораздо проще сказать «я не знаю», чем что-то скрывать.

Потом некоторые близкие друзья даже обижались за эту скрытность на отца Глеба. А он просто понимал, что как священник не нужен этому человеку. Были случаи, когда духовные дети после его одобрения приводили людей, чающих помощи священника, ругаясь, что те никого не выдадут. Кого-то отец Глеб крестил в домовом храме и венчал. После выхода на открытое служение число его духовных чад выросло в несколько раз.

В период тайного служения духовные дети приезжали на исповедь за день-два до Литургии,

иногда и накануне, утром он уже не исповедовал. Нередко исповедь затягивалась допоздна, человек оставался ночевать.

— Он так строил исповедь, как немногие умеют, глубоко вникая в проблемы и располагая к себе людей, — продолжает отец Кирилл.

Любовь, искренность и молодость духа привлекали к отцу Глебу многих, включая новоначальных. Духовное чадо отца Глеба рассказывает:

— Во время своего воцерковления я осторожно относился к исповеди, не мог сразу открыться священнику. Нужен был момент доверия. Но на его отеческую любовь мое сердце откликнулось сразу. Отцу Глебу хотелось верить. В нем сочетались искренность, ученость и простота. Когда я его увидел, у меня даже мысли не было, что это профессор, доктор наук. При всей своей благожелательности и простоте он обладал колоссальной силой и необыкновенной харизмой.

Вместе с тем отец Глеб как пастырь требовал от пасомого ответственного, осмысленного отношения к своей духовной жизни и поведению. Обличая чей-то грех, он был строг, но не суров: «Почему ты так поступил? Это же повредит твоей душе», — читалось в его глазах. Но при этом в голосе было столько любви и участия, что человеку становилось стыдно, и это заставляло его

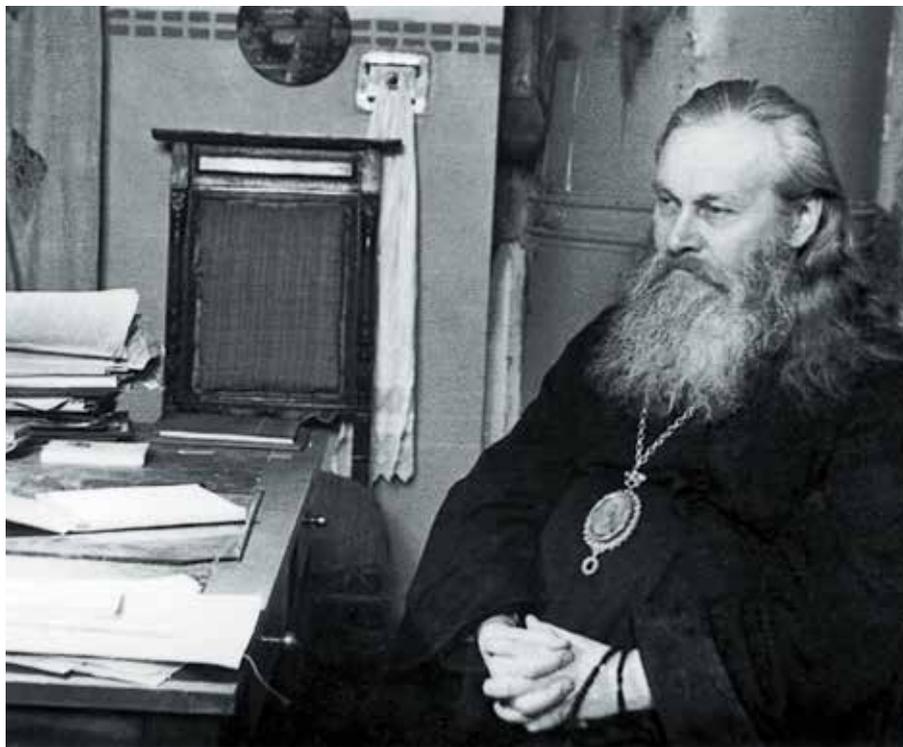
Г. А. Каледа после возвращения из Алтайской экспедиции. Осень 1948 г. (слева)

*Семейное фото 1975 г.
1-й ряд — Василий, о. Глеб, Лидия Владимировна, Мария; 2-й ряд — Кирилл, Анна (жена Сергея), Сергей, Александра, Иоанн (справа)*

Сщмч. Владимир
Амбарцумов (слева)

Епископ Гурий
(Егоров), будущий
митрополит

серьезнее отнестись к совершённой проступку, постараться исправиться.

Еще одной важной чертой отца Глеба была его осторожная ответственность за будущее духовных чад.

— Я не думал о священстве. Но мне хотелось разобраться в православном богословии, понять основы православного вероучения, — рассказы-

Отец Глеб не раз говорил, что мягкий духовник — яд для пасомых.

— Однако строгость он применял только там, где это было нужно, больше в качестве дисциплинарной меры, — продолжает отец Артемий. — Например, исповедь в Сергиевском храме Высоко-Петровского монастыря, где батюшка служил в последние свои годы, начиналась после всенощного бдения (и длилась допоздна) и еще была утром, за час до начала Литургии. Если вы приходили позже, он уже не исповедовал. Посыл был такой: не пришли вовремя — значит, вам причащаться сегодня не очень-то было и нужно. Подумайте об этом.

Литургия как смысл жизни

Литургия всегда была центром жизни для отца Глеба. Независимо от того, было ли это тайное богослужение в домовом храме или уже в период открытого служения. Когда в советское время церковный праздник приходился на будний день, отец Глеб в семь утра служил дома Литургию, а потом ехал на работу.

— Насущная потребность общения с Богом через Литургию, через молитву — это то, что он воспринял от своих духовных отцов, владык Гурия и Иоанна. И этот пример очень важен для

Протоиерей Глеб Каледа требовал от духовенства, чтецов, хора четкости, внятности чтения и пения во время богослужения, чтобы молящимся было понятно каждое произносимое слово.

ваеклирик храма Новомучеников и исповедников Российских в Бутове священник Артемий Цех. — Для поступления в Православный Свято-Тихоновский богословский институт требовалась рекомендация духовника. Отец Глеб написал мне ее не сразу, подходя к этому с осторожностью, осознавая свою пастырскую ответственность за меня перед Богом. Я чувствовал, что он сомневается. Он долго перед этим молился. И наконец благословил. А по окончании института я принял сан.

*В храме преподобного
Сергия Радонежского
Высоко-Петровского
монастыря, 1992 г.*

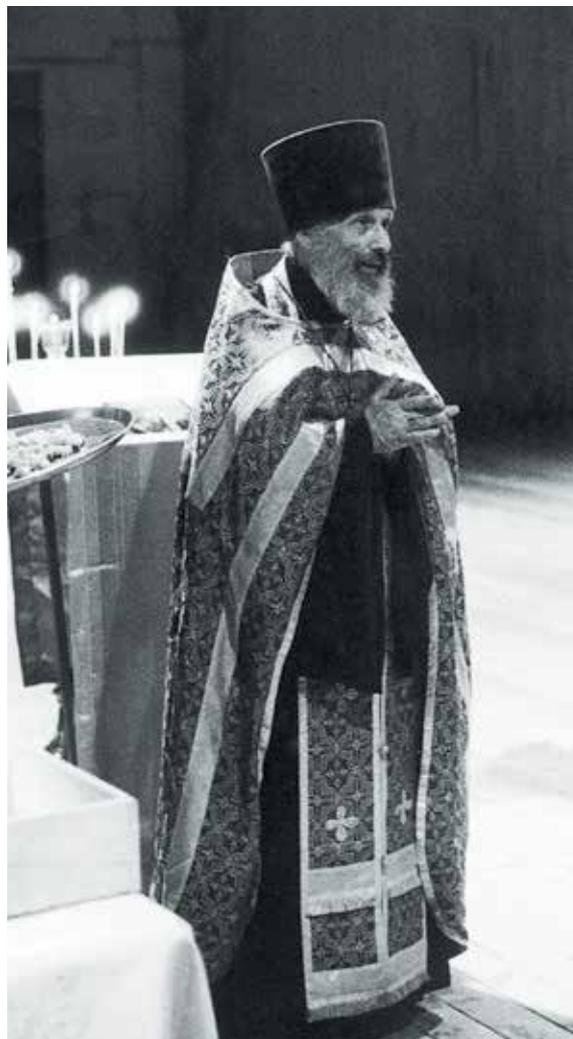
меня, — говорит отец Кирилл. — К сожалению, бывают случаи, когда священник может спросить: почему я должен служить, сегодня не моя очередь? Для папы это было немислимо.

Описывая атмосферу на Литургии, духовные чада вспоминают о глубоком внимании и внутренней сосредоточенности отца Глеба.

— Он постоянно упоминал о благоговении, с которым не только священник должен совершать Литургию, но и миряне пребывать на службе. Говорил, с каким трепетом они должны причащаться, чтобы это не превратилось в рутину. И сам являл пример такого отношения к святыне, — вспоминает отец Артемий.

Протоиерей Глеб Каледа требовал от духовенства, чтецов, хора четкости, внятности чтения и пения во время богослужения, чтобы молящимся было понятно каждое произносимое или спетое слово.

— Это позволяло всем максимально сознательно участвовать в общей молитве, ни на что не отвлекаясь. Он мог прервать службу, если кто-то разговаривал, и сделать замечание, — говорит директор Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» Игорь Гарькавый. — Для лучшего понимания совершающегося священнодействия он иногда комментировал фрагменты службы. И на всенощной, и на Литургии.

*Храм иконы
Божией Матери
«Знамение»
в Ховрино, 1991 г.*

Например, после чтения Евангелия, перед причастием и после него. То есть параллельно шла более глубокая катехизация всех нас.

Открытое служение

После выхода на открытое служение (это произошло 2 октября 1990 года и продлилось неполные четыре года) отец Глеб некоторое время совмещал священство с должностью профессора-консультанта во Всероссийском научно-исследовательском геологическом нефтяном институте, но в январе 1992 года завершил научную карьеру. Теперь он мог безраздельно отдать себя Церкви. И практическое выражение этого еще с 1991 года шло по двум не связанным между собой направлениям: возрождение православного образования и тюремное служение. Став ректором катехизаторских курсов, преобразованных в дальнейшем в Православный Свято-Тихоновский богословский институт, священник разработал и читал курс по православной естественнонаучной апологетике.

— Отец Глеб взялся за организацию учебы мирян с такой энергией, как никто бы из нас не

смог. И уже очень скоро курсы были зарегистрированы и начали свою деятельность, — вспоминает протоиерей Владимир Воробьев. — А потом возглавил в Синодальном отделе по религиозному образованию и катехизации сектор религиозного образования.

Одна из сотрудниц отдела, Наталья, вспоминает, что, говоря о цели православного просвещения, отец Глеб призывал педагогов наполнять сердце человека, его сознание, все его существо окрыляющей душой верой, благоговейной, светящей миру любовью к Богу и истинной.

— Мы чувствовали в нем опору и, вдохновленные, начинали создавать православные гимназии, хотя поначалу вообще не представляли, с чего начать и где найти для этого людские ресурсы и средства. И эти школы успешно работают по сей день, — говорит Наталья.

Без сомнения, помог отцу Глебу в этой работе и его опыт домашнего кружка по основам Православия, который он организовал еще в советское время для своих детей и детей из семейств знакомых.

Но катехизаторские курсы не стали его единственным начинанием. Отец Глеб был одним из инициаторов Международных Рождественских

чтений, которые выросли из обычного семинара преподавателей общеобразовательных и воскресных школ.

Окормление узников

Еще одна черта характера пастыря, о которой упоминают все его духовые чада, — это жертвенность отца Глеба. Он совсем не думал о себе, даже в весьма почтенном возрасте, когда ему было под семьдесят. Отслужив Литургию, сразу шел причащать людей в больницу. Или после службы мог приехать к духовному чаду домой и принять у него исповедь. А перемещался он всегда на общественном транспорте. И это помимо богослужений и пастырских трудов, которые включали в себя множество послушаний: он работал в образовательном отделе, проводил катехизаторские беседы для прихожан, читал публичные лекции, участвовал в конференциях и круглых столах.

— Наверное, батюшка чувствовал, что времени у него мало, а успеть надо многое, — рассуждает священник Артемий Цех. — И его энергии и ответственности нам, молодым его чадам, уже тогда можно было позавидовать.

А еще его ждали заключенные в Бутырской тюрьме.

Нельзя сказать, что он сам выбрал это служение. Скорее, сюда направил его Господь. «Просто его попросили один раз посетить осужденных в Бутырке, он не отказался. И понял, что он там нужен», — подтверждает отец Кирилл Каледа. Позже отец Глеб признавался близким, что это был первый случай, когда он не знал, о чем будет говорить там с людьми. В этой миссии его сопровождал Александр Дворкин (ныне профессор ПСТГУ). Описывая, какое тяжелое впечатление произвела на него тюрьма и ее обитатели, Александр Леонидович отмечает, что это вовсе не оттолкнуло отца Глеба от дела душепопечения узников. И хотя поначалу заключенные, собранные в зале, воспринимали священника с ухмылками и враждебностью, через несколько минут их отношение к человеку в рясе кардинально поменялось.

— Не было ряда одинаковых бритых голов. Были человеческие лица, лица несчастных людей, запутавшихся, грешных чад Божиих,

Отец Глеб не первый из духовенства посещал тюрьму, но его заслуга в том, что он превратил это в системную работу.

оказавшихся в нечеловеческих условиях существования, отчаявшихся обрести в жизни добро и свет, — вспоминает Дворкин.

— Но как отцу Глебу удалось тронуть эти омертвевшие души? — спрашиваю Александра Леонидовича.

— Своей искренностью и любовью, которую чувствовал каждый человек, с кем общался отец Глеб. Он же был невысокого роста, худенький, никакими особенными внешними данными не отличался. Но та любовь, что в нем жила, преобразовала все вокруг. И люди действительно тянулись к нему всей душой. О себе он говорил вскользь и просто, без всякого самовыпячивания, а к другим относился с большим уважением и искренним вниманием. Каждый, с кем он общался, был ему дорог и интересен.

Отец Глеб не первый из духовенства посещал тюрьму, но его заслуга в том, что он превратил

*Храм преподобного
Сергия
Радонежского
в Высоко-
Петровском
монастыре*

это в системную работу. Он познакомился с начальником Бутырки, договорился о регулярных богослужениях, поставил перед священноначалием задачу постоянного окормления осужденных, начал диалог с представителями Федеральной службы исполнения наказаний, чтобы Церкви разрешили заниматься просветительской работой в их учреждениях на регулярной основе. Есть что-то глубоко символичное в том, что он восстановил храм в той тюрьме, где вместе с другими новомучениками в годы репрессий сидел и его первый духовник священномученик Владимир Амбарцумов.

Особой заботой отца Глеба стали осужденные на смертную казнь, содержащиеся под стражей в 6-м коридоре Бутырской тюрьмы. Священник проводил в камерах смертников многие часы, оставаясь с ними один на один. Некоторые из них искренне раскаялись, он их крестил. Батюшка приносил им подарки, фрукты, организовывал угощение на Пасху. «Он приходил оттуда совершенно изможденный. И вместе с тем говорил, что нигде так не каются, как в тюрьмах», — вспоминает отец Кирилл. Общение со смертниками убедило отца Глеба в необходимости отмены высшей меры наказания. Он был уверен, что к смерти пригово-

ривают одного человека, а казнят уже совсем другого.

Опыт служения в Бутырке отец Глеб изложил в одной из самых известных своих книг — «Остановитесь на путях ваших», которую можно назвать хрестоматией тюремного священника. Она востребована и в наши дни. Вот что говорит тюремный священник Ханты-Мансийской епархии протоиерей Георгий Кошелев:

— Когда я только начал тюремное служение, то в этой книге нашел подтверждение своим мыслям о том, что отношение священника к осужденным должно быть не таким, как у администрации. Для священнослужителя заключенные — не преступники, а люди, нуждающиеся в духовной поддержке, их надо привести ко Христу, чтобы через Него преобразилась их душа, чтобы они раскаялись и переосмыслили свою жизнь. Отец Глеб стал для меня примером, его книга поддерживала меня в минуты сомнений, когда я уже намеревался оставить тюремное служение.

Публицистическое творчество

Совершенно бесценно то литературно-публицистическое наследие — статьи, книги и проповеди, — которое оставил нам священник Глеб Каледа. По словам его духовных чад, он не прекращал эту работу до последних своих дней. Даже в больнице после тяжелой операции делал наброски для новой рукописи.

В числе его фундаментальных работ можно назвать труды «Библия и наука о сотворении мира», «Плащаница Господа нашего Иисуса Христа», «Домашняя церковь», «Очерки жизни православного народа в годы гонений: воспоминания и размышления» и другие.

— Отец Глеб очень тщательно работал над своими сочинениями. Не являясь специалистом в богословии, он, как настоящий ученый, знал пределы своей компетентности, — говорит Александр Дворкин. — Писал только то, что знает, что пережил сам. Поэтому каждое его слово весомо, выстраданно и прочувствованно.

Одна из его книг, которая с каждым днем становится все актуальнее, это «Домашняя церковь».

— Она посвящена семейной аскетике, то есть духовной жизни в браке в русской православной и, видимо, вообще в восточно-христи-

*Панихида
на могиле отца
Глеба. Ваганьковское
кладбище,
1 ноября 2021 г.*

анской традиции, — говорит историк Алексей Беглов. — Автор подробно останавливается на всех аспектах семейной жизни христиан. В частности, излагает свой опыт воспитания детей: у отца Глеба их было шестеро, двое сыновей стали священниками, а обе дочери — монахинями.

Ученый и пастырь, он словно предвидел главную опасность для нашей Церкви, и как предостережение звучат его слова в предисловии к этой книге: «Перед христианством всегда стоят две задачи: первая вечная, внутренняя — стяжание Духа Святого, вторая — историческая, внешняя. В наше время исторической задачей является созидание домашних церквей. Для Русской Поместной Церкви в этом все ее будущее: научатся ее члены создавать домашние церкви — будет существовать Русская Церковь, не сумеют — Русская Церковь иссякнет»³.

Отец Глеб был яркой, многогранной личностью, в которой органично соединилась самоотверженность православного пастыря и традиция Русской Церкви XX века, воспринятая им от новомучеников, глубоко пережитая и осмысленная в его сердце, — так, что он мог нести ее свет новым поколениям молодых христиан, свидетельствуя и строго вопрошая: «Мы веру со-

хранили во время гонений, а сохраните ли ее вы, когда будут благоприятные времена?»

Святейший Патриарх Кирилл о нем сказал так: «Своей жизнью он явил послушание и образ человека, для которого Православие было радостной жизнью во Христе, поэтому его пример сегодня значим для наших современников, особенно для молодежи».

Отец Глеб отошел ко Господу 1 ноября 1994 года. Он похоронен на Ваганьковском кладбище, недалеко от места упокоения русского ученого Тимирязева. На могиле — гранитная плита с именами усопших, скромный холмик и мощный крест, доминанта этой маленькой пяди земли. Православный крест как путеводный луч и символ всей жизни отца Глеба, надежда и радость спасения во Христе.

Алексей Реутский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Священномученик Владимир Амбарцумов (1892–1937), арестован по обвинению в организации контрреволюционной деятельности в 1937 году. Расстрелян в Бутове. Прославлен в лике святых на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 году.

² Митрополиты Гурий и Иоанн прошли путь тайного монашества и священства, а в 1944 году вышли на открытое служение. Отец Глеб также состоял в переписке со старцем Павлом (Троицким) и поддерживал духовное общение с епископом Можайским Стефаном (Никитиным), долгое время служившим тайным священником.

³ *Каледа Глеб, прот.* Домашняя церковь. М.: Изд-во Зачатьевского монастыря, 2013. С. 12.